

Николай
Епифанов

Огни сумеречного города

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2024

Николай Епифанов

Огни сумеречного города

Здравствуй, дорогой читатель.

Я хочу рассказать тебе одну историю, но для этого нам предстоит отправиться далеко-далеко не только в пространстве, но и во времени. Мы пронесёмся над полями, лесами и горами, пока не достигнем края земли, а затем, скользая по водной глади океана, устремимся дальше. Хоть путь наш и неблизок, не бойся — оно того стоит. Возьми меня за руку. Мы отправляемся.

1. Далёкий город

Холодные волны цвета небесной лазури раз за разом накатывали на берег, но вместо песчаного пляжа встречали на своём пути гранитную стену и, ударяясь об неё, разбивались на тысячи блестящих осколков, что осыпались обратно в океан. Рукотворная преграда надёжно защищала старый город, что расположился на острове, занимая каждый его уголок. Город назывался Фалько и представлял собой каменные джунгли, вытеснившие любое напоминание не только о деревьях и кустарниках, но и о самой обыкновенной траве. Здесь жили и работали сотни тысяч людей, похожих на нас, правда, была у них одна странная, но очень значимая особенность — сердца в их груди светились. И то, насколько ярко, определяли сами люди.

Фалько, на первый взгляд, казался достаточно приятным местом. Здесь были свои высотки, проспекты и памятники.

По асфальтированным дорогам носились и гудели автомобили, а по тротуарам по делам спешили прохожие.

И среди них жил один самый обыкновенный юноша по имени Марк, которого мы застали в классе на уроке биологии. Пожалуй, нам повезло оказаться здесь в этот самый момент, поскольку... Лучше давайте послушаем.

— ...базовая система строения. Более подробно вам расскажут об этом в институте, если кто-то из вас собирается поступать на медицинский, — учитель средних лет в коричневом костюме стоял у доски, на которой висели схематичные изображения мужчины и женщины. — Но это не мешает нам понять основные принципы. Ну что же? Кто-нибудь хочет рассказать сам о том, что понял из учебника?

Руку подняла худенькая девушка с густой крепко заплетённой косой.

— Мария, пожалуйста, — преподаватель направился к своему столу, освобождая место для ученицы.

— Основным источником жизни, — голос Марии поначалу дрогнул, но она взяла себя в руки и заговорила увереннее: — Основным источником жизни человека является его сердце. В нём заключена колоссальная энергия, которая поддерживает жизнь и прогоняет кровь по телу.

— Так, — учитель постучал пальцами по столу, — а что насчёт его работы?

— Мы можем заставлять сердце излучать как больше, так и меньше энергии, но большой расход плохо сказывается на продолжительности жизни, — Мария слегка запнулась и замолчала.

— Почему?

— Потому что количество энергии ограничено и не восстанавливается.

— Всё верно. При разумном подходе человек может прожить... — мужчина сделал паузу, позволив ученице закончить за него:

— Около двухсот или двухсот пятидесяти лет.

— Верно. Садись, — он вернулся обратно к доске и отпустил Марию. — Важно понимать это и всегда следить за расходом энергии. Не стоит попусту тратить свою жизнь.

Марк сидел почти в самом конце класса, возле окна, и внимательно слушал учителя. Он никогда не был отличником, но и отстающим его не назвать — вполне прилежный и порядочный ученик. Такой же, как и его одноклассники.

Марк был стройным и высоким юношей с волнистыми волосами, в которых проглядывалась лёгкая рыжина. Над зелёными глазами нависали хмурые брови, отчего могло сложиться впечатление, будто характер у парня не из лёгких, но, поверьте, это не так.

Правда, было в Марке что-то ещё. Он сам это чувствовал, но никак не мог понять. Почти на каждом уроке где-то глубоко внутри него рождалось странное щемящее чувство. Впервые оно появилось около года назад и теперь стало назойливым гостем, который не желал никуда уходить.

Едва урок закончился и учитель отпустил всех по домам, дети быстро собрались и, не тратя времени зря, разбрелись каждый в свою сторону. Это будет трудно понять, но в Фалько люди не дружили так, как мы к тому привыкли. Одноклассники для Марка были скорее хорошими знакомыми, нежели друзьями. Они могли обсуждать уроки, новости, даже пройтись вместе, если им было в одну сторону, но на этом всё.

— Пока, — сказал Марк.

— Пока, — ответил ему кто-то.

— Пока, — подтвердил голос одной из девушек.

Марк вышел на оживлённую улицу и затерялся в толпе среди серьёзных лиц случайных прохожих. Уже десять лет подряд каждый день, кроме выходных и каникул, юноша следовал одним и тем же маршрутом, ставшим чем-то само собой разумеющимся. Настолько обыденным, что всё окружающее размывалось и становилось мелькающим пятном.

Я уже дважды упомянул необычные сердца жителей Фалько, но не обратил внимания на один момент, который может внести некую ясность в особенность жизни города. Здесь

было не принято выставлять свет напоказ, а потому одежду на груди делали преимущественно из плотной ткани, надёжно укрывающей это сокровище. Да и светились-то они неярко — с самого раннего детства детей учили беречь энергию, вести размеренный образ жизни и уж тем более не тратить свет на других. Для всех это было чем-то очевидным и совершенно неоспоримым. На самом деле подобный подход получил популярность во многих сферах жизни. Это касалось даже уличного освещения. Представьте себе множество фонарных столбов, что стояли вдоль улиц, но светили слабым, едва видимым светом только для того, чтобы осветить путь. А если сюда прибавить особенность расположения острова, над которым вечно нависали густые тёмные тучи, то становилось понятно, откуда Фалько получил своё второе название — Сумеречный город.

Миновав оживлённый перекрёсток, Марк добрался до невзрачного девятиэтажного дома, где под сопровождение скрипа заржавевших петель зашёл во второй подъезд. Откуда-то слышались голоса, порывы ветра, бьющего тонкие стёкла, и, конечно, стук каблучков школьных ботинок Марка. Хоть он и жил на шестом этаже, но всегда предпочитал подниматься пешком, поскольку его сильно пугал тяжёлый лифт, двери которого заедали, но никто не спешил исправлять ситуацию.

Ключ повернулся в замке, открывая Марку путь домой. Из кабинета доносился звук печатной машинки — мама, как всегда, работала на дому, погружаясь в дело с головой и не замечая ничего вокруг. Юноша снял обувь и прошёл вглубь квартиры.

— Привет, я дома, — сказал Марк, заглянув в кабинет.

За столом сидела худая женщина средних лет в маленьких круглых очках. Её длинные волосы были небрежно собраны в пучок и держались на сломанном карандаше. Она не сразу заметила сына, но, когда всё-таки отвлеклась от работы, подняла голову и посмотрела на него удивлённым взглядом.

— А, привет. Я работаю. Найдёшь еду? — спросила она и снова опустила взгляд.

— Конечно, — ответил Марк, направляясь на кухню.

Его маму звали Ева, она работала в одной из газет Фалько, занимаясь тем, что формировала статьи из предоставляемых редакцией материалов. За такую работу платили немного, но дело было честным и несложным, и это её вполне устраивало. Отец Марка Эдгар почти каждый день поздно возвращался домой, так как работал водителем автобуса, не покидавшего свой маршрут на протяжении двенадцати часов. На самом деле, Эдгар мог бы работать меньше, но тогда семье пришлось бы изрядно экономить, а он не мог этого допустить.

Марк любил родителей — они были хорошими людьми, которые учили сына быть честным и достойно делать своё дело. Правда, как и во всех других семьях города, нельзя было сказать, что они по-настоящему знали друг друга. В семье Марка почти никогда не говорили по душам, не делились чем-то, происходящим внутри. И это было нормально, поскольку главный принцип жизни — «укрывай свой свет» — действовал и здесь. Мы к этому обязательно вернёмся, а пока стоит обратить внимание на ещё один удивительный факт.

Марк пришёл на кухню, открыл холодильник и достал еду, представляющую собой странный брикет прямоугольной формы, по цвету напоминавший то ли зелёный, то ли коричневый. В холодильнике не было ничего другого, причём не только сегодня — никогда. Жители Фалько питались исключительно этой странной едой, которую называли просто брик. Мягкое питательное вещество не имело как такового вкуса, но при этом содержало полный перечень необходимых для организма веществ. У вас наверняка возникли самые разные вопросы. Как? Почему? Зачем? Они не хотели большего, не искали, не думали об этом, потому что главной задачей всегда было сохранение и продление жизни, и брик прекрасно с этим справлялся.

Кроме того, откуда было взяться другой еде, если город занял всю площадь острова? Здесь не было ни полей, ни садов, ни даже животных. Поэтому брик изготавливали искусственным путём где-то на заводах и развозили по всем местным магазинам. Один и тот же пресный вкус день за днём и больше ничего. Безумие? Нет, это жизнь, в которой не к чему стремиться.

2. Станный сон

Когда Марку исполнилось шестнадцать, он впервые почувствовал, что за рутинной и обыденностью дней, наполненных делами и обязанностями, скрывается что-то ещё, но ответ или хотя бы примерное понимание всё время ускользали от него, возвращая в реальность. Время шло, и странное чувство нарастало. Юноша всё чаще ловил себя на беззвучной мысли, пытаясь её разобрать. Всё изменилось этой ночью, когда он увидел сон, который не был похож ни на один из тех, что приходили к нему прежде.

Марк стоял посреди пустой улицы города. Слева и справа ввысь стремились высокие дома, в окнах которых не горел свет, если, конечно, не считать несколько едва уловимых отблесков. Лампы фонарей, обычно служившие ориентиром, были разбиты, и их острые осколки усыпали асфальт. Марк не сразу понял, где именно находится, но, взглянув вперёд, узнал эту длинную улицу. Она стремилась вниз с холма на окраину Фалько, где упиралась в высокий кованый забор, ограждавший опасную территорию. Чтобы попасть туда, нужно было преодолеть ворота, на которых висела цепь с тяжёлым замком. Считалось, что это место заброшено, и потому расположенное там здание из-за своей ветхости может представлять опасность для жителей и уж тем более для детей. Когда-то давно Марк бывал здесь вместе с родителями и видел, что вдалеке за забором стоит очень странное здание, не похожее ни на одно другое

в городе. Оно напоминало трубу, сужающуюся кверху, а на последнем застеклённом этаже располагалось нечто вроде огромной лампы. Ко всему прочему, здание было раскрашено в странные горизонтальные полосы. Хоть краска со временем и поблёкла, но всё ещё можно было понять, что это были красные и белые полосы.

— Пап, что это? — будучи ещё совсем ребёнком, спросил Марк.

— Что? — не понял отец.

— Вот! — и мальчик указал на неизвестное сооружение.

— А, это. Неважно, — отмахнулся Эдгар.

И вот он снова здесь. Марк прошёл вниз по улице, приближаясь к кованому забору, и сразу заметил, что краска на здании совсем новая. Яркий красный цвет теперь отчётливо выделялся на фоне бетонного Фалько, укрытого плотными облаками. Марк подумал, что не сможет пройти внутрь из-за замка, но, к своему удивлению, обнаружил настежь открытые ворота. Что-то звало его туда, тянуло со страшной силой, и ему очень хотелось узнать, в чём дело.

— Щёлк, щёлк, щёлк, — издали раздавался странный ритмичный звук, напоминавший о чём-то.

Юноша подошёл к тяжёлой деревянной двери и поднял голову. Отсюда здание казалось ещё выше — оно словно доставало до небес.

Во снах людям порой открываются вещи, которые, как им казалось, они забыли. Вот и сейчас, глядя на этого исполина, Марк вспомнил непонятное слово, которое однажды встретил в какой-то книге — «маяк». Такое короткое, такое красивое. Кажется, в тексте было какое-то описание, напоминавшее здание, возле которого стоял юноша.

— Маяк, — шёпотом произнёс Марк и открыл дверь.

Если не считать винтовой лестницы, то внутри оказалось совершенно пусто. Ни единого напоминания о мебели или хотя бы о каких-нибудь вещах. Оставалось только двигаться наверх. Марк уверенно взялся за перила и шаг за шагом начал подниматься. Казалось, что он идёт целую вечность.

Лестница никак не желала заканчиваться, а вот первый этаж продолжал удаляться. С каждым шагом мысли, долгое время преследовавшие Марка, звучали всё громче и отчетливее, но он всё ещё не мог их разобрать.

— Щёлк, щёлк, щёлк, — едва уловимый звук метался по пространству.

Хоть лестница и не заканчивалась, юноша не думал сворачивать назад. Он твёрдо решил идти к цели подобно тому, как всегда учили его родители. Усталость и сомнения накатывали со всех сторон, пытаясь убедить Марка остановиться.

— Нет, — громко сказал он, и голос эхом разнёсся по пустому зданию.

Шаг, ещё шаг, ещё шаг. И вот наконец Марк увидел последнюю ступеньку. Это придало сил, и он тут же ускорился. Лестница осталась позади и взирала снизу из темноты на незваного гостя. На самом верху действительно располагалась огромная лампа, спрятанная в странное стеклянное подобие изогнутой чаши или вазы. Юноша не знал, какое слово будет более уместно применить, ведь впервые в жизни видел нечто подобное.

Марку захотелось как можно скорее включить лампу, чтобы вернуть к жизни забытое всеми здание. Он искал кнопку или механизм повсюду и вдруг резко остановился.

— Что это со мной? — спросил Марк, удивляясь столь неожиданному порыву.

Конечно, у него иногда возникали вопросы о том, как работает та или иная вещь, почему в школу нужно ходить именно одиннадцать лет, почему люди живут только двести лет, но все эти вопросы были чем-то простым и важным для текущей жизни. Марк задавал их для того, чтобы получить информацию и не более того. Чувство, которое овладело им сейчас, в корне отличалось — он хотел знать, хотел понять и не мог остановиться, пока не получит ответ.

Заветный рычаг оказался на одной из колонн прямо над головой юноши. Не раздумывая больше ни секунды,

Марк потянул его. Что-то в старом механизме загрохотало, заскрипело, и поначалу казалось, словно ничего так и не произойдёт, но маяку нужно было немного времени, чтобы пробудиться от долгого сна. Юноша увидел, как лампа начала медленно вращаться, а затем в ней разгорелся слабый огонь, каждую секунду увеличивающийся в размерах. Яркий поток света вспыхнул так неожиданно, что Марк поспешил отвернуться, чтобы не ослепнуть. Когда наконец глаза привыкли к невиданному прежде пламени, юноша осмелился выглянуть наружу, чтобы увидеть, куда струится свет.

С одной стороны маяка луч прожектора устремился в океан, отчего по тёмной глади воды побежали блестящие искры. Марк всегда считал, что океан — это нечто страшное и мрачное, ведь именно так твердили взрослые и дома, и в школе.

«Океан представляет собой очень опасное место. Он жесток, не прощает ошибок. Вы не представляете, как много людей сгнуло в нём в былые времена. Но, к счастью, теперь мы надёжно защищены и нет никакой необходимости рисковать собой и соваться в эту негостеприимную среду», — именно так говорил преподаватель, но сейчас Марк усомнился в его словах.

Луч проскользнул дальше по воде и коснулся города, что прежде обитал в вечном сумраке. Юноша не мог отвести взгляд: знакомые улицы наполнялись светом и, словно делая глубокий вдох, менялись на глазах. Они были по-настоящему прекрасны. Всё те же, но совершенно другие. Такая, казалось бы, незначительная деталь меняла абсолютно всё.

Наконец Марк услышал, что же говорил голос, преследовавший его всё это время. Он снова и снова повторял всё тот же вопрос: «Почему?»

Такое короткое и простое слово таило в себе бесконечное множество смыслов, и они вырвались наружу, превращаясь в неумолкаемый гомон. Почему в городе так темно?

Почему мы никогда не покидаем остров? Почему мы едим одно и то же? Почему люди так редко улыбаются? Почему мы прячем сердца под одеждой? И ещё множество других «почему» кружили в воздухе, желая получить ответы. Но в то же время Марк понимал, что если спросит обо всём этом отца или мать, то вряд ли они ответят. Они пожмут плечами и скажут: «Неважно».

Позади послышался протяжный гул, чем-то отдалённо напоминавший автомобильный гудок, и Марк сразу повернулся к океану. Далеко-далеко, на горизонте, он смог различить корабль, подобный которому видел только в учебниках истории. Улыбка сама собой появилась на лице юноши, ведь он понял, что свет маяка помог заблудившимся морякам найти дорогу к городу.

Но увидеть, как приплывёт корабль, Марку было не суждено: сон начал развеиваться, заставляя вернуться в реальность.

3. И приходит новый день

Марк открыл глаза под назойливый звон будильника. Он снова был в своей комнате, где всё знакомо и привычно. Кровать, стол и шкаф стояли каждый в своём углу возле тёмно-серых стен, а окна плотно закрывали шторы. Прошедший сон казался чем-то невообразимым, скорее, даже невозможным, но при этом он и не думал растворяться в памяти, а, наоборот, ощущался настолько реальным и осязаемым, что можно было поспорить, какая из двух реальностей более правдива.

Добравшись до кухни, Марк увидел знакомую картину. Мама сидела с документами и пила чай, а отец уже успел убежать на работу.

— Доброе утро, — сказала мама.

— Доброе, — ответил Марк, а сам задумался о том, что это фраза для людей стала не более чем формальным звуком.

Гораздо более уместным было бы говорить: «Нормальное утро». Нечто нейтральное, отчасти пустое, но при этом совершенно ничем не отягчающее.

— Я приготовила чай, садись завтракать, — жители города упорно называли чаем напиток, который заваривался на основе добавок, производимых на тех же заводах, что и брик.

Позавтракав, Марк оделся и поспешил на улицу, чтобы не опоздать в школу. Когда он пересёк порог дома, им овладело ещё одно странное чувство. Ему казалось, будто бы он выходит в новый и неизведанный мир. В каком-то смысле это было чистой правдой, ведь теперь юноша был готов взглянуть на Фалько под другим углом.

Где-то в небе, задевая шпили самых высоких зданий, висели тяжёлые облака. Они казались неподвижными и монолитными, словно непреодолимая стена, заслонившая город от солнечного света. За всю свою жизнь Марк ни разу не видел ни одного просвета на небе — это чёрное полотно всегда было там. Два или три раза в неделю шёл проливной дождь, после которого часть улиц начинала напоминать реки, зато температура никогда не падала ниже двадцати. Цикл повторялся снова и снова.

Этим утром Марк смотрел на Фалько словно через кривое зеркало. Прежде ему было абсолютно безразлично, как выглядят дома, что происходит на улицах, он не замечал лиц прохожих, не слышал звуки этого гиганта, но теперь пелена спала. Его окружали всевозможные оттенки серого цвета. Возле подъезда стояла старая лавочка, едва ли уже способная исполнять свою задачу, поскольку материал крошился, превращаясь в пыль. А рядом с ней у покорёженной урны валялись бумажки, обёртки и бутылки — мусора в городе хватает с излишком.

Юноша шёл по улице, окружённой одинаковыми бетонными домами, которые раз в год красили серой краской, чтобы защитить от негативного воздействия дождей. И, наверное, в какой-то степени фраза «красили серое серым цветом»

была ещё одним принципом жизни Фалько. По пути встречалось множество самых разных прохожих. Их грустные, задумчивые лица идеально вписывались в общую атмосферу. И несмотря на то, что каждый одевался на свой манер, люди всё равно почему-то напоминали безликих клонов друг друга. Глядя на них, Марк представлял, что у каждого в голове звучат примерно одни и те же слова: «Идти на работу. Вперёд. Надо сделать дела. Надо одеться теплее. Не забыть поесть. Вечером возвращаться назад. Идти по знакомому маршруту, чтобы не заблудиться. Вначале левой ногой, потом правой. Купить еды. Поужинать. Прочитать новости. Прочитать материалы к работе. Важно вовремя лечь. Да, и не забыть завести будильник. Завтра на работу».

В воображении юноши голоса стали очень громкими и заполнили собой каждую улочку Фалько. Они разлетались повсюду, отскакивая от стен и запрыгивая в открытые окна.

От подобной картины Марку стало тяжело дышать, у него закружилась голова. Он остановился и прислонился к стене, закрыв глаза и пытаясь прийти в себя.

— Почему? — спросил неизвестно кого Марк. — Почему всё так?

— Парню плохо. Вызовите скорую, — закричал кто-то рядом.

— Нет, всё в порядке, — поспешил ответить юноша.

— Ты побледнел. Я же вижу. Нужно вызвать врача.

Не прошло и минуты, как Марка окружила толпа зевак, которая и не думала о том, что нужно помочь, а желала узнать, что будет дальше. Странная привычка людей устраивать из всего цирк не миновала и Фалько. И самое странное заключалось в том, что они так делали, не отдавая себе отчёт, их буквально тянуло к подобным вещам от нехватки впечатлений. Марк ещё не понимал этого, и ему только предстояло открыть для себя столь неприятную правду.

— Серьёзно, всё хорошо, — юноша всеми силами пытался доказать, что ему не нужна помощь.

— Точно? Парень, точно? — мужчина не унимался.

— Да, точно. Спасибо.

— Хорошо, но если что, сразу зови врача. С этим шутки плохи. У меня бабка так шла-шла и умерла, — незнакомец зачем-то поделился подробностями своей жизни.

Осознав, что спектакль окончен, толпа исчезла так же быстро, как и появилась. Марк остался стоять совершенно один, глядя вслед единственному странному человеку, пришедшему на помощь. Город, который прежде он считал своим домом, вмиг стал чужим. Стоило подумать об этом, как голова снова закружилась, но юноша смог взять себя в руки и продолжил путь в школу.

Двухэтажное здание учебного заведения притаилось между четырьмя высотными жилыми домами, вззирающими на учеников с негодованием. Слишком много всего свалилось на голову Марка за это утро. Конечно, к подобному он не был готов. Хотелось бежать прочь, закрыться в своей комнате и спрятаться под одеялом, чтобы безумный безликий мир исчез, а ему на смену пришёл... Но Марк не смог сформулировать своё пожелание до конца, потому что не знал, как вообще может быть по-другому. Ему стоило больших усилий подавить желание сбежать и переступить порог школы.

Отсидев несколько часов на занятиях, он понял одну вещь. Преподаватели хорошо знали своё дело и доступно рассказывали материал, но каждый из них старался объяснить не как правильно и хорошо, а как допустимо. Например, на уроке труда школьники под чутким руководством мистера Тинкера заканчивали мастерить стул, к которому приступили на прошлой неделе.

— В целом, если сюда вбить гвоздь, — сказал учитель, — будет неплохо держаться.

Марк поднял руку. Его вопрос был настолько очевидным, что он удивлялся, почему никто об этом не спрашивает.

— Слушаю тебя, — длинный скрюченный палец мистера Тинкера указал на Марка.

— Зачем вбивать гвоздь, если можно сделать гораздо лучше и надёжнее?

— Для чего тебе это? — подобной реакции ожидать было трудно.

— Чтобы... чтобы стул был крепким и хорошим.

— Это не меняет дела, — покачал головой учитель. — Ты только лишнее время потратишь, а получишь всё тот же обычный стул.

— Но ведь его можно сделать хорошо. Он долго прослужит, да и красивее будет гораздо. Вместо того чтобы просто сколачивать, можно сделать поперечную...

— Марк, не занимайся ерундой. Тебе всего-навсего нужен стул. И вот он у тебя есть.

— Но мы же учимся...

— Верно, вы учитесь, я учу. Именно так. Ты хочешь сказать, что я не объяснил, как сделать стул?

— Объяснили, но плохо. Это ведь неправильно, — Марк чувствовал, как его голос слабеет под тяжёлым взглядом мистера Тинкера.

— Тебе не следует так разговаривать с учителем. И уж тем более ставить под сомнение мою квалификацию.

— Но вы приучаете нас к неправильному.

— Закончили разговор! Ты получаешь двойку. И для твоих родителей я напишу записку. Пусть разбираются с тобой сами.

Поняв, что не добился ровным счётом ничего, Марк обесиленно сел за парту. Он не получил ответа, не сделал лучше, а только навредил самому себе. Уже после урока мистер Тинкер не глядя положил на стол листок бумаги, на котором было написано: «Вынужден сообщить, что сегодня ваш сын получил двойку по труду, потому что отказался выполнять задание. Он пытался сорвать урок и оскорблял учителя в присутствии других учеников».

— Обязательно передай. Я потом проверю, — с этими словами учитель вышел из класса.

Когда день подошёл к концу, Марк вылетел из школы и быстрым шагом направился домой. С него на сегодня определённо хватило. Вместо того чтобы быть услышанным, понятым или получить объяснение, почему он не прав, юноша получил самую настоящую оплеуху, хотя совершенно не желал ничего плохого.

Чтобы ещё больше не ухудшать настроение, Марк шёл, глядя себе под ноги. Путь домой пролетел незаметно, и вот юноша уже зашёл в квартиру, оставив позади безумные события. Разулся, помыл руки, заглянул к маме и отдал ей записку мистера Тинкера. Она внимательно её прочитала и отложила в сторону.

— И что это значит?

— Всё, что там написано, неправда.

— Ты хочешь сказать, учитель врёт?

— Да, — обида начала медленно подкатывать к горлу. — Я не отказывался ни от чего и никого не оскорблял. Я всего-то спросил, почему нельзя сделать стул лучше и крепче.

— Зачем? — в глазах матери Марк увидел то же самое выражение, что и у учителя труда.

— Как зачем? Чтобы стул получился хорошим, а не только для того, чтобы был.

— Марк, учителю виднее, как нужно делать. Ты только всё усложняешь.

— Я не... Я... хорошо, — его плечи опустились. — Я понял. Больше так не буду.

— Вот и умница. Иди поешь, я принесла свежий брик.

— Хорошо, — сказал Марк и вышел из кабинета.

Очередное поражение. Может быть, он и правда зря всё это затеял? Какой смысл? Взрослые живут дольше, чем он, и знают гораздо больше. Наверняка же это неслучайно. Во всём виноват дурацкий сон.

— И с чего я вообще решил, что прав? — глядя на себя в зеркало, спросил Марк.

Сомнения прокрались в его душу и принялись отчаянно проедать ходы. Это чувство хорошо знакомо почти

каждому человеку. Когда ты что-то делаешь или придумываешь, а в ответ получаешь обосновательную критику, то, конечно, начинаешь сомневаться и в себе, и в своей идее. В сомнениях нет ничего страшного, сами по себе они могут защитить от ошибок, помочь что-то поправить, но не стоит забывать о том, что далеко не всегда они оправданны. Люди, чья критика сбивает с ног, могут ошибаться. И в этом состоит главная трудность — не сломаться под чужим мнением.

Будучи совершенно незащитным, Марк уже был готов признать своё поражение, лишь бы больше никогда не оказываться в подобной ситуации, но, прежде чем он успел принять поспешное решение, сон окутал его, дав чувствам и разуму время на передышку.

— Щёлк, щёлк, щёлк, — последнее, что услышал юноша перед тем, как реальный мир окончательно растаял.

4. Всему своё время

Когда настало утро и будильник принялся дребезжать на всю квартиру, Марк открыл глаза и почувствовал, что вчерашнее состояние отступило. Его страх и желание сбежать утихли, оставив после себя едва ощутимое послевкусие. Юноша улыбнулся. Разум больше не был окутан пеленой эмоций, и теперь можно спокойно рассуждать и обдумывать произошедшее накануне.

Никто и никогда не рассказывал Марку о том, что решения, принятые сгоряча, могут быть ошибочными и приводить к трагичным последствиям. Дело в том, что в такие моменты эмоции берут верх над человеком и пытаются найти наиболее быстрое решение с одной простой целью — защититься от опасной ситуации. Поэтому Марку сильно повезло заснуть в самый подходящий момент.

Досадная ссора с преподавателем из-за стула стала символом прожитого дня в целом, вобрав в себя все впечатле-

ния и ощущения. Юноша направил энергию именно в это русло, придя к довольно смелой мысли: «Я должен проверить. Я сделаю стул так, как считаю правильным. И если я не прав, то признаю это. Но не раньше». Марк чувствовал уверенность в своих выводах, но при этом понимал, что не имеет права голословно цепляться за них.

Ему хотелось как можно скорее приступить к делу, но вначале ждала школа. И Марк был совершенно не против, поскольку понимал, что ему нужны знания, чтобы стать сильнее и учиться анализировать. Ему нужна была пища для ума.

— Доброе утро, — на кухне, к удивлению юноши, оказался папа.

Перед Эдгаром на столе стояла большая чашка, наполненная чаем, а рядом с ней лежали старые карманные часы, без которых отец никогда не выходил из дома. Марк помнил их с самого детства — тяжёлые, стальные, с красивым узором на корпусе в виде множества шестерёнок, а внутри было выгравировано загадочное «М. Б.». Как-то раз юноша спросил отца, что означают эти буквы, но ответ прояснил довольно мало: «Они принадлежали одному моему старому другу. Его с нами уже нет». Что это за друг и как часы оказались у отца, Марк так и не узнал.

— Ой, — удивился юноша. — А ты чего не на работе?

— Спину прихватило так, что не могу встать. Еле сюда дошёл. Не переживай, я уже позвонил в контору. Надо только оформить больничный. Надеюсь, немного вычтут из оклада, — папа поморщился, держась за поясницу. — Слышал о твоей ссоре с учителем.

— Это не ссора.

— Неважно. Мама мне всё рассказала.

— Пап, я просто хотел предложить, как лучше, — произнеся это, юноша подумал о том, что стоило просто согласиться, а не начинать подобный разговор.

— Это никому не нужно, — Эдгар покачал головой.

Марк замер, внимательно глядя на папу. В его тоне и мимике было что-то иное — отличное от того, как говорили другие.

— То есть ты понимаешь?

— Понимаю, — с горечью ответил отец и опустил голову, — но это никому не нужно.

— И поэтому не нужно делать лучше?

— В этом нет никакого смысла. Вот научили тебя делать стул. Его можно использовать по назначению?

— Он хлипкий и кривой.

— Я не спрашивал тебя об этом. Его можно использовать по назначению?

— Да, можно, — скрипя зубами, ответил Марк.

— Вот и всё. Делай своё дело и живи спокойно. Твоих порывов никто не оценит, а себе создашь больше проблем. Зачем лишний раз утруждаться?

Когда Марк услышал позицию отца, то подумал, стоит ли сказать всё, что пришло на ум. Может быть, просто согласиться и уйти? Нет.

— Это неправильно, — в итоге заявил юноша. — Почему мы не должны любить то, что делаем, или хотя бы делать это достойно, а не абы как?

— Сынок, я не удивлён, что тебя гложут такие вопросы. Поверь мне, я проходил подобное. Тебе кажется, что ты умнее других, что лучше понимаешь, но это не так.

— Я не сказал, что я лучше...

— Не перебивай, — отец жестом показал, что стоит замолчать. — Я думал, что лучше других знаю, как жить и что делать, но мой отец, к счастью, объяснил мне. Люди живут в Фалько очень давно, и методом проб и ошибок у них сложился определённый уклад жизни. Тем самым жизнь построена на опыте, которого у тебя ещё нет.

— Опыте не напрягаться? — Марк чувствовал обиду, хоть и не мог до конца обосновать её.

— Почему же? — в отличие от сына отец был абсолютно спокоен. — Ты ещё слишком молод, чтобы понять, но когда